

УДК 330.16

***СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ДОЛГОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ***

Осипов А.В.

к.э.н., доцент,

Университет управления «ТИСБИ»,

Казань, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены отношения частного долга с позиции императивов, направляющих функционирование хозяйственной системы. Потребительское кредитование охарактеризовано парадоксальным поведением заемщика, стремящегося минимизировать морально-нравственные обязательства. Выявлены социальные мотивы долговой ответственности потребителей, использующих банковский кредит.

Ключевые слова: долг, просроченная задолженность, долговые отношения, дарообмен, ответственный заемщик, потребительский кредит, императивы поведения

***SOCIAL AND ECONOMIC IMPERATIVES OF CONSUMERS DEBT
RELATIONS***

Osipov A.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

University of Management «TISBI»,

Kazan, Russia

Abstract

The article considers the relations of private debt from the standpoint of imperatives guiding the economic system's functioning. Consumer credit is characterized by the

paradoxical behavior of a borrower seeking to minimize moral obligations. Social motives of debt liability by consumers which use bank credit are revealed.

Keywords: debt, overdue debt, debt relations, gift exchange, responsible borrower, consumer credit, imperatives of behavior

В современном мире возрастает роль долговых отношений, привлекая внимание к необходимости их регулирования. Участвовавшие экономические кризисы заставляют задуматься о природе долга. Долг порождает множество противоречий, хотя в условиях рынка он и считается морально нейтральным.

Повышение благосостояния домашних хозяйств достижимо путем наращивания банковского кредитования. Постиндустриальная эпоха сформировала паттерны потребительского поведения населения, реализация которых имеет долговые последствия [4, 60].

Тревожная динамика задолженности потребителей сигнализирует о росте числа экономических проблем. Массовая неплатежеспособность граждан-заемщиков неизбежно сопровождается негативным давлением на финансовую систему, провоцирует социально-политические конфликты, дестабилизирует ситуацию в государственном и корпоративном секторах.

Частному долгу, чью основу составляет потребительское кредитование, длительное время уделялось меньше внимания по сравнению с государственным долгом. Масштабные кризисы вызвали озабоченность закредитованностью населения. Экономические модели пока слабо отражают природу долговых отношений и законы их развития. Осознание этого обстоятельства стимулирует переосмысление феномена потребительского долга.

Долг формирует обязательство, а долговое поведение вытекает из морального обременения. Неверно сводить долг лишь к возврату средств с отсрочкой. В его основе лежит отношение неравенства, предполагается асимметрия между заемщиком и кредитором [5, 29].

Долговая экономика всегда связана с вопросами об ответственности и достоинстве. В игру вступают морально-нравственные категории и обязательственное право. Долговые отношения не ограничиваются сугубо экономическим содержанием. Вовлеченные в них люди могут испытывать вину, зависимость, превосходство, ощущение нечистой совести, то есть поведением человека управляют чувства. Просроченная задолженность зачастую порождает поиск виновных в неплатежах.

При экономическом исследовании потребительского кредитования строят модели рационального заемщика, объясняющие его кредитное поведение. Морально-нравственное измерение долговых отношений обычно игнорируется. Редко встречаются работы, посвященные психологическим механизмам принятия решений относительно финансового поведения заемщиков [8]. Из-за ограниченности возможностей рационального действия адекватная модель экономического субъекта должна учитывать издержки на преодоление неопределенности [9].

В рамках теории межвременного потребительского выбора моделируются функции, максимизирующие полезности заемщиков [6; 15]. Такие модели включают факторы индивидуального (характеристики заемщика) и институционального (доступность различных форм кредитования) уровней с целью определить детерминанты кредитного поведения. Кредитный статус потребителей рассматривается как в экономических, так и социологических работах.

Исторический экскурс позволяет выявить моральное содержание поведения заемщиков. Массовый доступ потребителей к кредитованию - сравнительно новое явление. Развитие данной практики требует ее легитимации. Жизнь в долг традиционно считалась порочной во многих культурах, и ее нормализация меняет моральный фундамент экономических отношений [5, 30].

Смысл долгового поведения заложен не в решениях изолированного индивида, а в социальном отношении долга. Для понимания моральной логики

и принципов поведения заемщиков требуются общие теоретические рамки. Чтобы получить основу интерпретации долговых отношений, сначала обратимся к антропологической теории дарообмена, рассмотрев альтернативу потребительскому кредитованию.

Теоретическая база дарообмена заложена в первой четверти XX в. Эмпирические материалы антропологических исследований потребовали объяснения особенностей хозяйственной жизни при недостаточности классического аппарата экономической науки. Данная теория обогатила представления о взаимодействии между индивидами, максимизирующими собственную полезность.

Дарообмен - принцип взаимодействия, опирающийся на логику человеческой социальности. В примитивных обществах жизнь людей полностью подчиняется регулярным ритуалам. Эти ритуалы состоят во взаимном одаривании символически ценными предметами для демонстрации партнеру и окружающим максимальной щедрости. Каждый участвующий в дарообмене вступает в него не как автономный индивид, ориентированный на выгодную сделку, а как член группы. За счет этого сообщество сохраняет сплоченность и удерживается от распада [5, 33].

Дарение становится императивом. Дар обязательно сопровождается встречным даром, однако «отдаривание» не происходит немедленно. Временная пауза устраняет восприятие ответного дара как платы. Эквивалентность встречного дара предполагается, но никогда не навязывается получателю. За неадекватным даром следует потеря статуса.

Принципы дара и утилитарного бартера (прямого натурального обмена для удовлетворения потребностей) сосуществуют, однако второй символически подчинен первому. Поскольку дарообмен может сопровождаться утилитарным обменом, следует четко разграничивать эти типы взаимодействия. Вещи и отношения, участвующие в них, образуют непересекающиеся контуры. Граница между разными сферами обмена ощущается ясно и поддерживается всеми участниками [2, 111].

М. Мосс свел рыночные институты к превращенным формам дарообмена, разработав собственную теорию эволюции. Он увидел в современном рыночном взаимодействии логику обмена дарами с системой трех императивов: дарить, принимать, отдаривать. Дарообмен с неразрывно связанными сторонами превращается в сделку с несвязанными индивидами, способными полностью отчуждать предметы. В современных правовых системах возникло различие между вещным и обязательственным правом [3, 229].

Если ранее обмен был процессом, соединяющим людей и предметы в единое целое, то позже он переориентирован на разъединение и отчуждение. Институты и мораль современного капитализма извратили логику дара, но они сохраняют ее в основании для гарантирования целостности общества. «Значительная часть наших нравственных законов и самой нашей жизни по-прежнему погружена в ту же самую атмосферу, соединяющую в себе дар, долг и свободу» [3, 262].

Ключевым элементом дарообмена в нынешних условиях считается обязательство, которое возникает при принятии дара: получая услугу или благодеяние, начинаешь чувствовать себя «в долгу», поскольку неспособность воздать дар принижает и наносит урон чести. Утилитарный обмен подчинен логике дарообмена: заемщик уплачивает кредитору процент за время пользования занятыми деньгами, то есть должен больше исходного дара в случае предоставления встречного дара.

При сходной механике принципиальна интерпретация с точки зрения действующих морально-нравственных сил. Если получивший дар возвращает с избытком из соображений чести, стремясь упрочить социальную связь, то в рыночной системе заемщик возвращает с избытком по принуждению, стремясь разорвать социальную связь, избавиться от обязательства и от кредитора.

В теории дарообмена моральные обязательства сопровождают любой акт обмена. Обязанность вернуть долг ощущается заемщиком независимо от наличия внешних ограничений. Решения о предоставлении, возврате и прощении кредита не могут быть морально индифферентными. Такого рода

поведение изменяет локальные отношения неравенства между контрагентами, воздействуя на их статус у третьих лиц [5, 36].

В чистой форме утилитарный обмен обходится без временного интервала между встречными перемещениями ресурсов. Сделки допускают торг, предполагают эквивалентность и преследование сторонами корыстного интереса, а участники относятся друг к другу как к чужакам. Тогда обмен характеризуется статусным равенством и безличностью.

Все множество взаимодействий можно разделить на сферы, в каждой из которых возникают моральные обязательства особого рода. Утилитарный обмен тоже погружен в контекст моральных обязательств: партнер по обмену дает возможность разомкнуть круг дарообмена и получить извне ресурс, который впоследствии укрепит собственную статусную позицию. Выход в утилитарный обмен с целью поиска дополнительных ресурсов для статусного соревнования позволяет решить проблему деморализации долгового отношения.

В современном капитализме распространяется эгоистическая норма просрочки долга в случае отсутствия внешнего давления. Потребители-заемщики перестают чувствовать давление долгового отношения. Ключевая антропологическая трансформация, присущая рыночной экономике, состоит не в подрыве принципа «необходимо отдаривать с избытком», а в серьезном ударе по принципу «необходимо принимать дар». Переход от дарообмена к рыночному взаимодействию означает отказ принимать вызов дара. На авансцену выходит желание «откупиться», то есть оценить предмет обмена и, заплатив цену, выйти из взаимодействия.

Статусное соревнование, когда превосходство завоевывается щедрым дарением и демонстративной тратой ресурсов, по-прежнему управляет человеческим обществом. Однако теперь средства накапливаются не посредством серии дарообменов с членами сообщества, а путем рыночных сделок с «чужаками». Ссудный процент возникает вопреки логике дара, а не путем монетизации времени между даром и ответом. Получение кредита

приносит заемщику моральную выгоду. Он не попадает в личную зависимость от кредитора, получая дополнительный ресурс, благодаря обязанности вернуть сумму с процентом.

Существенная трансформация дарообмена состоит в том, что вместо моральной обязанности используется процент. При этом движущий принцип дарообмена продолжает работать, порождая ситуацию, когда ресурсы для дарения необходимо накапливать через утилитарный обмен. Прежде всего, через привлечение кредитов.

Полный выход из состояния задолженности становится доблестью. Однако человек изначально включен в отношения с другими людьми и зависит от них, поэтому окончательное погашения всех долгов маловероятно. Поскольку никто не существует отдельно от всех, идея выплаты долга и обретения автономного существования сомнительна с самого начала. Большинство считает разновидностью долга то, что мы должны нашим родителям. Его можно или даже нужно возвращать. А если выплатить его нельзя, то это долг? [1, 70].

В ходе развития рыночной экономики идеалом для потребителя становится «быть квитым» (выход из социального отношения). Либеральная картина мира предписывает такую норму, в которой люди встречаются как изолированные чужаки, стремящиеся получить от взаимодействия удовлетворение собственных интересов [13]. Современный товарный обмен отличается своей завершенностью и способностью не оставлять долгов. Чрезмерно концентрируясь на противопоставлении товарного обмена моральным обязательствам, вытекающим из дарообмена, исследователи упускают морально-нравственное содержание отказа от долга.

В основе понятий морали и нравственности лежит ожидание от человека определенного поведения, наряду с воздержанием от другого поведения. Мораль устанавливает общие рамки поведения, которые не следует преступать, иначе поведение станет аморальным. Мораль в большей мере согласуется с законом и правом.

Нравственность – более детальная и тонкая регуляция поведения, чем мораль. Требования нравственности распространяются на любые моменты поведения и жизненную ситуацию. Сфера нравственности шире сферы морали, но менее формализована и нормативна.

Следовательно, мораль – совокупность норм и требований, устанавливаемых обществом для каждого человека, а нравственность – совокупность этических требований, которые индивид должен предъявлять к себе сам. За нарушение норм морали и права следуют общественные санкции, нарушение требований нравственности пробуждает угрызения совести.

Моральное содержание поведения заемщика можно выразить через несколько основных императивов, которые не изолированы друг от друга, а переплетаются и совместно формируют смысл кредитования потребителей. Описание мотивации типичного заемщика на кредитном рынке – попытка понять, что стоит за кажущимся рациональным решением привлечь заемные средства для расширения потребления.

Потребительское кредитование в коммерческом банке, который не относится к кругу родственников и друзей, помогает избежать дарообмена. Кредит потребителю – способ получить деньги без чувства моральной зависимости от кредитора. У заемщика имеется множество потенциальных способов привлечения средств, сопряженных с моральными обязательствами. Взаимоотношения с банком как безличным контрагентом нейтрализует подобные обязательства. Потребительское кредитование – результат стремления избежать морального долга.

Субъект потребительского кредитования должен иметь установку на самообеспечение своих потребностей. «Человек задолженный» воплощает в себе опорную фигуру сегодняшнего капитализма [12, 38]. Для кредитора важно, чтобы потребитель-заемщик не сомневался в своей потребности и считал необходимым удовлетворить ее самостоятельно. Выдача займа связывается с конкретной целью. Благодаря вторжению в область целеполагания кредитор запускает механизм удовлетворения потребности без моральных обязательств.

«Человек задолженный» - не предприниматель, который берет ссуду, чтобы преумножить капитал, нажиться и отдать процент. Потребитель-заемщик находится в поле потребностей, удовлетворение которых связано с эмоциональным дискомфортом. Поиск средств без обращения к институциональному кредитору означает необходимость напрямую просить о долге и испытывать моральное давление со стороны окружающих. Также важно, что поиск ресурсов приводит к переговорам по поводу самой потребности, к ее оспариванию, критическому осмыслению и, возможно, отрицанию.

Задача кредитора заключается в том, чтобы необходимость в товаре не подвергалась сомнению потребителем. С помощью кредита человек получает возможность ответить на вызов потребности, не оказываясь в моральной зависимости. Процент, взимаемый кредитором, - не только плата за немедленное пользование товаром, но и гарантия самостоятельности потребителя. Субъективность современного должника строится на навязанном моральном обязательстве. Это не обязательство возратить долг, а обязательство удовлетворять потребности собственными силами.

Императив освобождения от морально-нравственных обязательств, который движет потребительским кредитованием, означает перевод всех обязательств в денежную форму. Так долги лишаются элемента морального давления, ведь должник знает, что каждый период невозврата задолженности оплачивается им по согласованной цене и не содержит щедрости кредитора. Будучи исчисленным, обязательство содержит условия своего прекращения и выхода из долговых отношений.

Эволюция денежного обмена ведет к возрастанию индивидуальной свободы, понимаемой как свобода от личной зависимости. Хотя ее обретение может перевести несвободу на новый уровень. Денежный обмен по сравнению с дарообменом в большей степени независим от личных отношений (как и система дарообмена более свободна, чем рабство) [14, 308]. Квантификация отношений освобождает от элемента личного произвола.

Инфраструктура кредитования потребителя мотивирует осуществлять тщательную калькуляцию при решении о ссуде. В период долговых кризисов сразу возникает вопрос об ответственности пострадавших за свои «нерациональные» решения. Критерием для оценки рациональности выступает исход кредитной игры: неспособного расплатиться с долгами объявляют «нерациональным». Такой подход непригоден для анализа поведения заемщика задним числом: ведь «рациональное» вчера может оказаться «нерациональным» сегодня.

Потерь, вызванных нерациональностью поведения заемщиков или кредиторов, можно избежать при повышении финансовой грамотности (компетентности), то есть лучшего понимания правил предоставления кредита и расчета рисков [10]. Теоретически появление ответственного заемщика приближает ситуацию к идеалу биржи, где с помощью ряда фильтров к торгам допускаются только рациональные компетентные игроки. Но биржевые игроки не обладают особой рациональностью, а конструируют локальные представления о рациональном. Кроме того, распространение биржевой торговли не предупреждает экономические кризисы. Программы повышения финансовой грамотности критиковались, но исследования подтвердили эффективность программ, направленных на производство самостоятельного субъекта-должника, на вменение заемщику ответственности [11].

Императивы расчетливого, рационального и ответственного поведения модифицируют действия потребителей. Калькулятивность - свойство действия (или действующего), которое состоит в производстве расчетов, независимо от их итоговой оправданности. Калькуляция означает выделение некоторой сущности (например, кредитного предложения), манипуляцию с ней (сравнение и арифметические операции), производство результата (решения о кредитовании) [7].

Индустрия потребительского кредитования предлагает разветвленный интерфейс для калькуляции, поэтому распространение кредитов связано не с бесконтрольным потреблением, а с усилением калькулятивности, что не

отменяет импульсивности потребителя в момент осознания необходимой потребности. Отдельного рассмотрения заслуживают усилия и технологии для переформатирования уже совершенных актов взаимодействий (реструктуризации или списания долгов) или изменения режима для новых актов.

Императивы независимости, кредитования при необходимости, скрупулезной калькуляции и оценки всех издержек создают потребителя, уязвимо в долговой экономике. Долговые кризисы неизменно сопровождаются упреками в безответственности, избыточном потреблении и неумении сопоставить собственные доходы и расходы.

Ответственность за долговые кризисы возлагают на рядовых потребителей-заемщиков, заставляя их винить себя и списывать последствия чужих просчетов на собственное неблагоразумие. Когда закредитованные потребители приняли обвинение на себя, возникают идеальные условия для крупнейших должников потребовать безвозмездного дара, оправдываясь спасением национальной экономики.

Любое социальное взаимодействие в хозяйственной системе предполагает дарообмен и возникновение долга. Кризисы потребительской задолженности отражают проблему перевода утилитарного обмена в дарообмен, а также кредитную игру свободных экономических агентов. Индивидуальная ответственность заемщика направлена на предотвращение закредитованности, но императив «полагайся только на себя» не ограничивает аппетит потребителя, а только подстегивает его к дальнейшему кредитованию.

Библиографический список:

1. Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
2. Малиновский Б. Аргонавты Западной части Тихого океана. - М.: РОССПЭН, 2004.

3. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. - М.: КДУ, 2011.
4. Осипов А.В. Долговая детерминанта потребительской активности домохозяйств // Концепт. - 2017. - №7. - С.60-66.
5. Юдин Г.Б. Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. - 2015. - №3. - С.28-45.
6. Bertola G., Disney R., Grant C. The Economics of consumer credit demand and supply. In: The economics of consumer credit. Cambridge, MA: MIT Press, 2006. P.1-26.
7. Callon M., Muniesa F. Economic markets as calculative devices. Organization Studies. 2005. Vol.26. No.8. P.1229-1250.
8. Durkin T., Elliehausen G. Truth in Lending: Theory, History, and a Way Forward. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
9. Durkin T., Elliehausen G., Staten M., Zywicki T. Consumer credit and the American economy. N.Y.: Oxford University Press, 2014.
10. Fox J., Bartholomae S., Lee J. Building the case for financial education. Journal of Consumer Affairs. 2005. Vol.39. No.1. P.195-214.
11. Giesler M., Veresiu E. Creating the responsible consumer: Moralistic governance regimes and consumer subjectivity. Journal of Consumer Research. 2014. Vol.41. No.3. P.840-857.
12. Lazzarato M. The making of the indebted man. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
13. Polanyi K. The great transformation: The political and economic origins of our time. Boston: Beacon Press, 2001.
14. Simmel G. The philosophy of money. N.Y.: Routledge, 2011.
15. Vandone D. Consumer credit in Europe: Risks and opportunities of a dynamic industry. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2009.